

© 2010 г.

Эльман Рустамов

Председатель Центрального банка Азербайджана

(e-mail: azolotov@yandex.ru)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ “ВЫСОКОГО МОДЕРНИЗМА”

В статье рассматривается философия "высокого модернизма", теоретические концепты, лежащие в основе его идеологии. Анализируются ключевые черты концепции высокого модернизма, характер институциональных преобразований, применяемых для реализации принципов высокого модернизма в общественной и политической жизни общества. Также выделяются отдельные элементы философии высокого модернизма, способствующие социально-экономическому и политическому развитию, и предлагаются подходы к их использованию в условиях современного общества.

Ключевые слова: "высокий модернизм", экономическое развитие, Вашингтонский консенсус, институциональное развитие

Проблемы, возникающие в большинстве современных модернизационных проектов, в том числе – в постсоветских странах, уходят корнями в не столь отдаленную историю Нового времени. Именно на этом историческом этапе формировались новые функции централизованных национальных государств. Во многом эти новые функции воплотились в идеологию и практику высокого модернизма.

Понятие высокого модернизма было введено в оборот и обстоятельно описано английским социологом Джеймсом Скоттом¹. Характеризуя наиболее трагические эпизоды государственного развития в конце XIX – начале XX веков, автор указывает на четыре типологических признака высокого модернизма, которые в своем сочетании приводят к трагическим последствиям. На каждом из них мы остановимся немного подробнее.

«Административное рвение, стремящееся привести в порядок природу и общество, государственные упрощения»

С одной стороны, упрощения, повсеместно используемые чиновниками, являются неотъемлемым инструментом управления государством. Они позволяют строить прогнозы развития, выявлять и вмешиваться на ранних этапах в решение сложных общественных проблем, способствуя тем самым

¹ Скотт Дж. Благими намерениями государства. М.: «Университетская книга», 2005г.

эффективному функционированию государства. С другой стороны, проблема состоит в том, что государство не просто наблюдает, анализирует и делает выводы на основе этих упрощений; оно обращает внимание только на те аспекты действительности, которые актуальны в конкретный промежуток времени, тем самым, игнорируя множество связанных, но кажущихся незначимыми факторов. Кроме того, государство одновременно стремится организовать окружающую его социальную среду, которая кажется ему непонятной, непрозрачной и хаотичной, так, чтобы она была максимально «приближена к административной сетке наблюдений».

Иными словами, государство ставит перед собой цель не разобраться в существующих общественных сетях и связях, а преобразовать их в легко контролируемую и предсказуемую систему, исключаящую всякие неожиданности. Более того, оно ориентировано на то, чтобы общество функционировало в соответствии с этими упрощениями. Государство может их навязать в силу того, что оно обладает соответствующими институциональными структурами, с помощью которых искусственные категории могут организовывать жизнь людей.

«Идеология высокого модернизма»

Эта идеология зародилась благодаря впечатляющим успехам научно-технического знания в овладении и подчинении физического мира. Технологический прогресс позволил государству думать, что его законы и технологии могут показать не менее впечатляющие результаты в сфере управления социальным миром и человеческой природой. Иными словами, «высокий модернизм есть особая, подчеркнутая уверенность в перспективах применения технического и научного прогресса – обычно при посредстве государства – в каждой области человеческой деятельности»¹. Высокомодернистское государство занимается социальной инженерией, пытаясь сконструировать искусственное общество не по законам его культуры, обычаев, традиций, а на основе научных критериев, разрабатывая конкретные предписания, которым должно следовать общество, а затем заставляет его следовать им. «Если можно менять природу, чтобы создать более удобный для человека лес, почему бы не изменить общество, чтобы создать более удобное население?»².

Идеология высокого модернизма смотрит в утопическое будущее, полностью отрицая прошлое и рассматривая настоящее в качестве стартовой площадки для предстоящих великих изменений. Дополняя Джеймса Скотта, следует сказать, что формированию идеологии высокого мо-

¹ Там же, стр. 152-153.

² Там же, стр. 155.

дернизма способствовала эволюция тезиса «Все сущее разумно». Он утверждался внутри христианской религии, вытекая из теории божественного творения (разумно, поскольку сотворено Творцом). Развенчание религии сопровождалось переходом роли творца от Бога к человеку. Соответственно творения человека наследовали тот же тезис в той мере, в какой человек разумно и на основании научного знания перестраивает мир, включая социальный.

Квинтэссенция идеологии и практики высокого модернизма может быть выражена следующим набором характеристик:

- стремление к благу людей, намерение облагодетельствовать человечество при полном пренебрежении к отдельной личности, уверенность в лучшем будущем оправдывает жертвы;
- стремление к порядку и рациональности, к победе плана над случайностью;
- наличие научного обоснования, приводящего к «вычислимости будущего»;
- игнорирование прошлого и его результатов («Наиболее радикальный высокий модернизм предлагал все дочиста стереть и начать с нуля»¹);
- популярность утопических проектов среди масс;
- независимость от политических идеологий (высокий модернизм присущ правым, левым, центристам и т.п.);
- отрицание, подавление любых иных конкурирующих концепций и источников альтернативных суждений;
- готовность подавлять инакомыслящих, сопротивляющихся модернизации (отсюда поиск виноватых при неудачах).

«Централизованное государство, которое желает и способно использовать свою власть, чтобы воплотить в жизнь упомянутые высокомодернистские проекты»

Высокомодернистские проекты могут быть реализованы только благодаря деятельности централизованного государства, способного мобилизовать на достижение поставленных утопических целей все возможные общественные ресурсы. Именно централизованное государство расширяет сферы своего вмешательства в общественную жизнь для преодоления последствий кризисов, упрочивает свою власть, что создает плацдарм для социальных преобразований и перестроек.

¹ Там же, стр. 158.

Государственное управление является одной из тех социальных сфер, в которых наиболее полно проявились все сущностные характеристики эпохи Модерна. Среди них: тотальность, рациональность, универсальность целей и ценностей, оптимизм относительно возможностей их достижения и утверждения. Большинство государственных проектов этой эпохи вдохновлены утопическим видением мира универсальной свободы, равенства и гармонии, где научно-технический прогресс является локомотивом развития и благосостояния. Именно поэтому модернизация является собой революционный процесс, «продукт потрясающей экспансии научных и инженерных знаний, которая началась в восемнадцатом веке и позволила людям управлять средой и формировать свою среду в небывалых масштабах»¹.

В государствах, исповедующих либеральные принципы организации общества, существуют серьезные ограничения для последователей идеологии высокого модернизма, так как область государственного вмешательства не соприкасается с частной сферой, существует примат рыночной экономики, которой администрация не может детально управлять, а также развиты и активно функционируют представительные органы власти.

«Кризисы и идеология высокого модернизма»

Крупномасштабные кризисы существенно ослабляют гражданское общество, делают его восприимчивым к утопическим идеям, в которых все продуманно, рационально и логично. Люди подчиняются высокомодернистской власти, так как связывают с ней надежды на пресловутое светлое будущее, не думая при этом о политических последствиях этой веры.

В итоге Дж. Скотт формулирует свою концепцию следующим образом: «просматриваемость общественной конструкции создает условия для крупномасштабной социальной перестройки, идеология высокого модернизма заставляет желать ее, авторитарное государство обеспечивает готовность действовать в соответствии с этим желанием, а выведенное из строя гражданское общество позволяет выровнять социальный ландшафт, чтобы на нем строить все заново»².

Такие планы терпели неудачу, потому что предполагали выстраивание схематичного социального порядка, игнорирующего существенные черты реальности. В результате складывалась ситуация, при которой «формальная схема паразитировала на неформальных процессах, создавать и поддерживать которые она сама не могла. Подавление этих нефор-

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М: Из-во «АСТ», 2005г., с. 94.

² Дж. Скотт, Цит. соч., стр. 23.

мальных процессов означало провал: терпели неудачу те, для счастья которых был задуман этот проект, а, в конечном счете, и сами проектировщики тоже»¹.

Об истоках высокого модернизма (не прибегая к этому термину) в социальном утопизме конца XVII – начале XX веков в том же духе, что и Джеймс Скотт, пишет Исайя Берлин². Мысли, созвучные идеям Джеймса Скотта, высказывал Алексей Салмин³. Используя термин «сциентизм» к тем же идеям постоянно возвращается Фридрих фон Хайек⁴. О провалах модернизационных проектов писал Никлас Луман⁵.

XIX и XX вв. стали периодами расцвета высокого модернизма. Однако если в XIX веке высокомодернистские вмешательства государства поддерживались гражданами, так как они испытывали на себе позитивные последствия такой политики, ее результаты демонстрировали очевидные улучшения жизни людей, благодаря активному развитию науки. В XX веке четко проявилась крайне негативная черта идеологии высокого модернизма – полное пренебрежение индивидуальностью, и это при условии, что все высокомодернистские проекты ориентированы исключительно на улучшение жизни людей. На сегодняшний день эти проекты становятся историей, но они оставили после себя на века монументальные памятники, такие как, например, идеально спланированный город Бразилиа.

Практика показала, что даже при управлении природой наука отнюдь не всегда позволяет достигать поставленных целей, что прекрасно описано у Дж. Скотта на примере государственной политики в Пруссии и Саксонии по организации научного лесоводства. Ученым удалось на короткий период вывести «геометрически правильный однородный лес», который превратился в машину для производства древесины. Однако в долгосрочной перспективе эксперимент привел к провалу, так как научные лесоводы проигнорировали при разработке своих планов важнейшие факторы, которые привели к истощению плодородного слоя почвы, а как следствие к «умиранию леса». Такие факторы, как уничтожение подлеска, бурелома, сухостоя, без которых сокращалось многообразие насекомых и

¹ Там же, стр. 23.

² Берлин Исайя. Философия свободы. Европа / Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2001, стр. 334-335.

³ Салмин А.М. Современная демократия: очерки становления. – М.: Издательство «Ad marginem», 1997, стр. 33.

⁴ Хайек, Фридрих Август фон. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом / Пер. с англ. – М.: ОГИ, 2003. – 288 с.

⁵ Луман Н. Введение в системную теорию: Пер. с нем. / М.: Издательство «Логос», 2007, стр. 17.

птиц, чья жизнедеятельность крайне важна для формирования плодородных почв, были расценены как незначительные и несущественные для достижения главной цели.

В XX веке государственные проекты в духе высокого модернизма приводили не только к строительству городов, в которых невозможно жить, но и к краху отраслей или экономик. Пример последнего – мобилизационная экономика, впервые реализованная во время Первой мировой войны под руководством Вальтера Ратенау, чей пример вдохновлял В. Ленина. Эксперимент Ратенау увенчался беспрецедентным крахом экономики и финансовой сферы. Другие эксперименты заканчивались гибелью миллионов людей. Здесь венцом проектов в духе высокого модернизма бесспорно являются эксперименты Гитлера и Сталина.

После войны идеология и практика высокого модернизма вдохновляла проекты экономической модернизации при контроле международных финансовых институтов. Не случайно Дж. Скотт относит к числу лидеров высокого модернизма Роберта Макнамару, который пытался свой опыт руководства заводами Форда и Министерством обороны при Кеннеди и Джонсоне перенести на управление сложными модернизационными проектами.

Одним из последних крупномасштабных проектов в стиле высокого модернизма можно назвать попытку Запада научить бедные латиноамериканские страны стать более преуспевающими. Десять рекомендаций по проведению реформ, сформулированных в докладе Дж. Вильямсона «What Washington Means by Policy Reform» в 1989 г. получили впоследствии название «Вашингтонский консенсус». Однако этими рекомендациями вооружились не только латиноамериканские страны, но восточно-европейские посткоммунистические системы, что еще более усилило негативные последствия внедрения этих постулатов. В основу этих рекомендаций была положена простая идея о том, что для эффективного проведения реформ, предполагающих новый институциональный дизайн, развивающимся странам достаточно имплантировать новые институты, продемонстрировавшие свою состоятельность в странах Запада. Такое представление о путях и способах политического развития полностью укладывается в рационалистическое миропонимание Модерна, признающего техническое знание и отвергающее любые другие альтернативы.

М. Найм, авторитетный специалист в области международной политической экономики и экономических реформ, редактор *Foreign Policy Magazine*, объяснял популярность столь прямолинейного подхода к проведению реформ в первую очередь распадом СССР и Восточного блока. Разочарование в социалистических идеях и принципах плановой экономики создало спрос на альтернативные подходы к организации политиче-

ской и экономической систем. «Вашингтонский консенсус» стал неким временным заменителем всеобъемлющей идеологической конструкции, за которую хватаются миллионы людей в стремлении упорядочить свои мнения о событиях внутри страны и за рубежом, свои суждения о государственной политике и даже свое поведение в некоторых сферах повседневной жизни.

Кроме того, этот свод правил был некритично и безоглядно воспринят реформирующимися странами еще и потому, что исходил из страны, которая признается как процветающая во всех сферах держава. А также благодаря настойчивости Международного валютного фонда и Всемирного банка, которые готовы были предоставлять кредиты странам, берущим за основу проведения реформ рекомендации Вашингтонского консенсуса.

Несложно увидеть здесь и два других элемента идеологии высокого модернизма. Во-первых, это неспособность граждан бывших социалистических, а также латиноамериканских стран сопротивляться планам пришедших к власти новых правительств как в силу глубокого экономического и социального кризиса, так и в силу отсутствия представительных институтов и опыта их использования для проведения своих интересов, опыта контроля над властью. Во-вторых, радикальность государств в проведении предложенной политики способом «шоковой терапии» и действовавшим по строго разработанным планам-схемам.

Попытки реализации этих проектов на практике не принесли странам Латинской Америки и бывшего социалистического лагеря успеха и процветания, а наоборот, стали причиной нарастания неэффективности государственного управления, тяжелых финансовых кризисов и социальных потрясений. Осознание этого идеологами и сторонниками «Вашингтонского консенсуса» произошло, когда в Мексике утопия столкнулась с реальностью. В 1994 году вступило в силу Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА), которое рассматривалось как убедительное подтверждение правильности выбранного Мексикой рыночного пути, позволившего ей присоединиться к богатейшим странам мира. Одновременно с этим событием произошло вооруженное восстание крестьян в провинции Чаипа, продемонстрировавшее полное фиаско макроэкономических рекомендаций, не только приведших к неэффективности государственного управления, но и значительно ухудшивших экономическое и социальное положение граждан страны. Аналогичные разочарования постигли и другие реформировавшиеся страны.

Вашингтонский консенсус стоит в одном ряду с другими проектами, вдохновленными идеологией высокого модернизма. И главное здесь, конечно, понять, в чем состоят ошибки плана предложенных реформ, а так-

же выявить изъяны идеологии высокого модернизма, вдохновляющей подобные проекты. Мы оставляем за скобками анализ экономической составляющей плана, обратив свое внимание в основном на политические аспекты, среди которых остановимся на следующих трех.

Во-первых, рекомендации Вашингтонского консенсуса были рассчитаны на краткосрочную перспективу, игнорируя тот факт, что переход к рыночной экономике и демократии – длительный процесс. Его успех зависит во многом от планомерного постепенного изменения сознания и поведения экономических и политических субъектов в заданном направлении. В то время как меры по либерализации и стабилизации могут быть реализованы посредством коренных и радикальных изменений.

Во-вторых, рекомендации Вашингтона полностью игнорировали институциональный аспект. Транзит предполагает включение как экономических, так и политических элементов. Соответственно, требуется не просто разработка спасательных мер, но и создание в реформируемой стране институтов, способных адаптировать и поддержать внедрение нововведений. Свободные рыночные силы не способны полностью заменить государство и формировать необходимые экономические структуры. В середине 90-х годов в «поствашингтонском консенсусе» были учтены проблемы построения институтов, но не поведенческие его аспекты.

В-третьих, десять рекомендаций носили универсальный характер и должны были быть применены для реформирования стран, принципиально отличающихся друг от друга по уровню своего экономического и политического развития, по доминирующим культурным ценностям, традициям, особенностям исторического развития и пр.

Для того, чтобы избежать повторения тех масштабных провалов Модерна, повлекших за собой колоссальные социальные бедствия, необходимо выявить фатальные изъяны этой идеологии, а также объективно существующие факторы, требующие учета при разработке современной политики развития или реформирования государства.

Дж. Скотт во главу угла ставит тезис о несовершенстве наших знаний о социуме и невозможности подчинить его функционирование безупречным с научной точки зрения планам развития.

Одна из основных причин нашего ограниченного знания – непредсказуемость будущего и невозможность его спрогнозировать на основе «понимания исторических законов прогресса и научной истины». Обстоятельства могут поменяться в любой момент, без видимых на то оснований (изменение цен на энергоносители, эпидемии, революции, природные катаклизмы и пр.). Проблема высокомодернистских проектов в том, что они предполагают широкомасштабное вмешательство в жизнь общества, что не позволяет проектировщикам адекватно и оперативно реагировать на

изменяющиеся внешние и внутренние условия, а соответственно, принимать чрезвычайные меры по устранению последствий или вносить коррективы в план.

Таким образом, для эффективного развития любого социального проекта необходимо начинать его с постепенного, неразрушающего вмешательства, анализировать его результаты и на их основе принимать решения о дальнейших трансформациях. Далее, крайне важно иметь возможность отказаться от сделанного шага, если на практике он ведет к негативным последствиям. И, безусловно, планы должны обеспечивать оперативное реагирование на изменяющиеся обстоятельства.

Другая причина, ограничивающая наши прогностические возможности, – неизбежная инициативность и изобретательность людей, которые, используя свои навыки, опыт, интуицию, обязательно трансформируют в процессе реализации любой проект. Идеологи высокого модернизма ориентируются в своих разработках на «абстрактных субъектов, которые нуждаются в таком-то количестве квадратных футов площади для жилья, акров земельных угодий, литров чистой воды и единиц транспорта»¹. Эти субъекты лишены индивидуальности, а также способности самостоятельно мыслить и проявлять инициативу.

Из последнего проистекает основное ограничение высокого модернизма – пренебрежение к частному, практическому знанию, способному адекватно скорректировать универсальные инструкции в соответствии со сложившимися в социуме практиками, а как следствие сделать эти инструкции более гибкими и подготовленными к возможным изменениям обстоятельств. Проблема практического знания в невозможности его изложить в виде технического руководства, потому что оно очень специфично и приобретается через практику и местный опыт. Так, успешное ведение сельского хозяйства в том или ином регионе зависит не от общих инструкций по развитию сельхозугодий, а от знания особенностей ведения сельского хозяйства именно в этом регионе, которое приобретается только из продолжительной практики и опыта по обработке земли и сбору урожая.

Высокий модернизм выступает против традиции и местного знания, считая их косными и ненаучными, хотя на практике они как раз демонстрируют гибкость и динамизм. «Модернизаторы – борцы с «традиционалистской ментальностью», опустошающие кладовые культурной памяти, ослабляют трансцендентальные структуры, ограждающие социум от стихийного будущего. Драма модернизации состоит в том, что компенсаторская активность социальных менеджеров – носителей процесса рациона-

¹ Дж. Скотт. Цит. соч., стр. 551.

лизации, призванных прибрать к рукам хаос распадающегося традиционализма, не способна заменить безыскусное законотворчество культуры, отличающейся ненавязчивой и неприметной всеохватностью. Традиционалистские программы культурной памяти как раз насыщены неявными допущениями, которые нет нужды эксплицировать, переводя на язык бюрократического администрирования. Культура управляет нами, не администрируя, ее императивы не выступают в форме заранее продуманных, экспертных предписаний»¹.

Последняя реинкарнация высокого модернизма в унифицированные модернизаторские проекты не столь звероподобна и агрессивна, как гитлеровский или сталинские режимы. Но она имеет как минимум одно долгосрочное и разрушительное последствие. Оно состоит в том, что унифицирующая вестернизация уничтожает главный эволюционный ресурс выживания и развития человечества – разнообразие. Нет слов – заимствование эффективных институтов столь же важная часть культурного обмена, как заимствование технологий и иных инноваций. Интересно напомнить, что заимствование развлекательной пиротехники из Китая проросло ракетостроением на Западе. Бумага, завезенная из того же Китая на Запад, способствовала здесь колоссальному культурному рывку. Но вместе с тем порох, который в Китае использовался для запуска шутих, в Европе обеспечил рывок в возможностях людей убивать друг друга. Пока чаще всего институциональные заимствования, необходимость которых, еще раз надо подчеркнуть, несомненна, скорее напоминают заимствование пороха, а не бумаги.

Влияние культуры на процессы модернизации, формы и темпы экономического развития в последние годы стало осознаваться и активно обсуждаться². В качестве альтернативы высокому модернизму начинает обсуждаться идея «выращивания институтов». Пока нет более или менее последовательно сформулированных предложений, конкретизирующих идею выращивания. Очевидно, что для этого не хватает социальных знаний. Идея только разрабатывается. Но понятно, пакет необходимых социальных знаний мог бы включать, во-первых, описание различных институтов с учетом их исторического дрейфа, взаимосвязей с другими институтами, с общественным сознанием и неформальными нормами. Во-вторых, нужны обстоятельная инвентаризация и глубокий социокультурный анализ негативного опыта модернизаций (хотя наука крайне не любит описывать свой негативный опыт не только в социальной сфере). В-третьих, нельзя обо-

¹ Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование.

² Ясин Е.Г., Снеговая М.В. Тектонические сдвиги в мировой экономике: что скажет фактор культуры. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009.

даться без описания социального, экономического, политического и правового порядка в стране, заимствующей новые институты. Наконец, нужно постоянно изучать и контролировать влияние новых институтов на ту среду, в которую он имплантируется. Такая подготовка к заимствованию институциональных инноваций требует существенного времени. Возникает естественный вопрос: а что же делать сейчас?

Прежде всего, общество и элиты должны осознать колоссальный разрыв между нашими знаниями о социальном порядке и постоянным стремлением им управлять. И следствием должно стать предельно осторожное отношение к любым программам социального, в том числе – институционального, переустройства. С наибольшей осторожностью следует относиться к масштабным всеохватным проектам.

Следует искать стратегии, которые имитировали бы эволюционный процесс институциональной динамики. Поскольку мы не знаем последствий заимствований нового института, у нас нет критериев отбора оптимальных конкурирующих моделей институтов, то внедрение новых институтов могло бы происходить с помощью пошаговой стратегии, которая упоминалась выше.

Бесспорно, необходимо бережное отношение к культуре и традициям, умение находить в них ресурсы модернизации и возможности использования векового социального опыта. Такая стратегия предусматривает разнообразие, множественность выбора и постепенность.

Важнейший барьер, который придется преодолевать на пути к новой парадигме государственного управления – это презрительное пренебрежение обыденными социальными практиками. Не только идеологами и практиками высокого модернизма, но и представителями современного государства эти практики рассматриваются как нечто консервативное, как досадная помеха прогрессу и инновациям. Между тем именно в обыденных неформальных практиках содержится не только богатейший опыт компенсации дефектов официальных институтов. Разнообразие неформальных практик является неизучаемым и неиспользуемым резервом приспособления к новым институтам, резервом адаптации и развития.
